Издревле считалось, что самым высшим социальным достижением че-ловека является общинность, коллективизм. А на Руси во все времена они были самой сутью жизни народа.

Ещё в восточнославянской общине мы находим все особенности об-щинного коллективизма: стремление человека к похожести на других, к соответствию, созвучию с другими, признание существующих правил, приспособление к ним, отказ от противопоставления своих представлений и своих поступков по отношению к общему. Всё это формировало ум, мышление и, соответственно, речь, формировало поступки члена общины. Общее было всегда выше, чем личное. Эгоизм и индивидуализм всегда представляли собой негативное начало в былинах, преданиях, сказках и, собственно, в русском языке, а также осуждались в бытовом обиходе, в общественном поведении.

На Руси общинное устройство с его соборностью, опиравшееся на коллективистские принципы, длилось испокон веков. Вне этого устройства могли быть только те, кто не был приписан ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам, а также слуги. Крестьянин же всегда был членом общины.

Немецкий исследователь Август фон Гакстгаузен (1792—1866) в числе первых подробно описал русскую общину и дал ей высшей степени аттестацию, говоря, что Россия уже исполнила «утопические мечты Сен-Симона, причём без атеизма, который питает французскую социалистическую систему». Он советовал всячески сохранять и укреплять крестьянскую общину, считая, что именно она гарантия будущего преуспеяния государства.

Община была так привычна для крестьян в их повседневной жизни, что они часто затруднялись растолковать, как она работает, а просто жили, как их деды и прадеды. Главным методом разрешения всех деревенских вопросов был общинный сход. А между сходами власть принадлежала выборному старосте и писарю. Во время накала страстей на сходе он превращался в круговую исповедь с прямыми признаниями, разоблачениями и обличениями в атмосфере полной открытости. Постановлениям схода все члены общины (мира) обязательно и беспрекословно подчинялись. Самым главным в общинной жизни было отречение от личного в пользу мирского, если первое расходилось со вторым.

Однако коллективное начало вовсе не исключало и индивидуализма. Община не была коммуной, она давала возможность общего рассмотрения и решения вопросов, в том числе справедливого распределения земли по дворам, организации помощи, совместного труда и праздников. Но каждая семья трудилась самостоятельно, и крестьяне строго соблюдали принцип справедливости: сколько наработал, столько и получи.

Всё это наложило свой отпечаток на характеры русских крестьян.

Так Энгельгардт пишет об отличительной черте деревенской жизни: «Баба из зажиточного двора, особенно теперь, осенью, за деньги работать на подёнщину не пойдет, а “из чести”, “на помощь”, “в толоку”, придёт и будет работать отлично, вполне добросовестно, по-хозяйски, ещё лучше, чем баба из бедного двора…»

А Александр Сергеевич Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» отмечал: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его смелости и смышлености и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны…»

В конце же 1870-х гг., когда начались «новые порядки» в России, кре-стьяне были недовольны изменениями в деревне: «На миру, брат, всё ладно должно быть!.. Вот что!.. Экое своевольство появилось! Господи!.. Да это хошь не живи по-людски… Так вот одно остается — огородиться всем от каждого конурами да и жить по-собачьи… (Это вам ничего не напоминает? — Прим. авт.) Одно остаётся!.. Конечно, одно! Такой народ повёлся… Сладу в мире никакого не стало: ни те Бога не помнят, ни те к миру уважения нет… Всё в своевольство пошло, всё в особицу…» (Златовратский).

Поразительно, но и далёкая от деревенских обычаев интеллигенция в своей революционной, преобразовательской деятельности группировалась в интеллигентские общины.

Многие спорили: община ли создала нрав, склад души русского человека, или, наоборот, характер его споспешествовал организации и сохранению крестьянской общины в России. Думается, правомерно и то и другое. Община соответствовала основным чертам русского характера, а он, в свою очередь, есть прямая производная общинной жизни.

Во время Русской революции 1917 года, особенно в середине 20-х годов и далее, на сторону большевиков, на сторону идеалов, которые они проповедовали, встал глубинный русский народ, остававшийся ещё со времен Раскола верным себе. Алексей Толстой писал: «… Да, большевики это непонятно кто, никто их не выбирал и силы у них никакой нет, но у них есть главное — есть кровяная связь с такими, как Рублев, с народом, а у этих вера, поэтому большевики никуда не исчезнут...» Такие люди стали в партии большинством уже к середине 20-х гг., и они определяли её дух. Их глубинная вера в строительство Царствия Божия на русской земле теперь обратилась в веру в коммунистическое строительство. И все другие, кто не мыслил по-ихнему, кто стремился к мировой революции на плечах России, обязаны были или принять данный образ мыслей и действий, или партия очиститься от них. Вот в чем несчастье представителей партийной оппозиции, не сумевшей понять их и найти с ними общую платформу, ибо это были абсолютно, диаметрально

противоположные люди.

Индустриализация и коллективизация — это проекты преобразования, только на основе не частной, а коллективной собственности, возрастания общественного благополучия. Конечно, в этих проектах были и свои крупные издержки (но это не предмет обсуждения в данной статье). Однако не следует забывать и о международных условиях в тот период, об угрозе большой войны, которая в скором времени и разразилась. И, несмотря на издержки, великая волна коллективизма среди народа позволила в кратчайший срок сделать максимум возможного для подготовки. Кстати, большую роль сыграла сталинская система вознаграждения за работу, которая стимулировала заинтересованность каждого члена коллектива в результате общей работы (была отменена Никитой Хрущевым).

Коллективизм на фронте в годы Великой Отечественной войны хорошо описан в произведениях таких писателей-фронтовиков, как Юрий Бондарев и Виктор Астафьев, Борис Васильев и Григорий Бакланов, Эммануил Казакевич и Евгений Носов, Василь Быков и Виктор Некрасов и многие другие. Работа в тылу также была основана, как и на фронте, не только на дисциплине суровой необходимости, но и на непреходящем русском коллективизме.

Свойство создавать малые общины внутренне присуще русскому человеку. Так в советское время на заводе, в конструкторском бюро, в научно-исследовательском институте и в общеобразовательной школе в первую очередь ставилась цель — создание коллектива. Если получался коллектив — работа шла хорошо, нет — всё шло сикось-накось. На той же коллективной основе создавались знаменитые студенческие строительные отряды, комсомольские стройки, работали пионерские и молодёжные лагеря.

Дух общинности в трудовых и жилищных коллективах из советского времени сохранился даже, хотя и в меньшей степени, и в наше, постсоветское, время «рыночных» отношений.

И вот вдруг, в одночасье, мы переместились из постепенно деградирующих общества, экономики и межчеловеческих отношений в некую «коронавирусную» формацию, в состояние некоего «вирусобесия». Объявленная ныне пандемия имеет в своей основе (как и сам вирус) две составляющие: собственно биологическую, геномную, и эпигеномную. Биологическая действует сугубо на телесном уровне — вирус снижает иммунитет. Ему помогают в этом всё более совершенствующиеся, дошедшие уже до 5G, излучатели. Так как сам вирус имеет кроме материальной и волновую природу, что вполне позволяет его транслировать. А вот эпигеномная составляющая действует на самоё душу человека, рождая в ней страх, ужас перед возможностью заражения и смерти. Ведь, несмотря на длительный срок (фактически с ноября 2019-го года) действия этой заразы, вакцина так и не создана. Говорят, что в этот новый вирус, активной частью вставлен ген ВИЧ. А против ВИЧ, как известно, вакцины так и нет…

Всё это привело к колоссальному «добровольному» разобщению между людьми в нашей стране. Хоть Всемирная организация здравоохранения и не

признала по количественным показателям не только пандемию, но и эпидемию, заражения и смерти имеют место быть. Поэтому были приняты меры защиты, но, конечно, как это показывает соседняя Белоруссия, Германия и некоторые другие страны, где нет таких жестких ограничений, порой чрезмерные. Страх выйти на улицу, страх встретиться с другим человеком стал довлеть над российскими людьми. Встречный человек на улице или пассажир в транспорте смотрит на другого, как на самоё вирус, как на непосредственную угрозу себе. Рукопожатия (не говоря уже о дружеских объятиях) и разговоры на улицах и во дворах не практикуются. Самые страшные враги коллективизма и общинности — индивидуализм, эгоизм, враждебность и человеконенавистничество, всегда, подобно микробам в здоровом теле, существовавшие даже в самом коллективистском советском обществе и развивавшиеся в постсоветском, ныне не только расцвели пышным цветом, но стали исключительно основными отношениями.

И всё явственнее на горизонте земного человечества вырисовываются кроваво красные силуэты «четырёх всадников Апокалипсиса»: Войны (конечно, гибридной), Моровой Язвы (говорят уже «на низком старте» готова выйти на дистанцию бактерия «Синтия», созданная для пожирания нефтяной плёнки, то есть углерода, в Мексиканском заливе, но ведь углерод входит и в белки человеческого организма), Голод и Диктатура, то бишь цифровое управление людьми. И почва для её установления сейчас как никогда более благоприятна, особенно там, где полная «добровольная» самоизоляция, усиленная вначале штрафами, а теперь ещё и электронными пропусками, и всё более усиливающееся разъединение между людьми. А в недалёкой перспективе, когда людям до чёртиков надоест самоизоляция, а страх будет ещё велик, маячит вакцинация. Читай — вакцинация плюс микрочипизация, так как с лекарством, безусловно, будут вводиться частицы — микрочипы. Они-то волновым образом и подготовят людей к приятию настоящих чипов, которых и недоставало в логической цепи. И хорошим разведпризнаком такого развития ситуации является Швеция, где идёт массовое чипирование населения (чип внедряется под кожу кисти правой руки) и где сейчас нет никакой информационной паники и никаких жёстких ограничительных мер. — Не потому ли, что вводится практика чипирования? Внедрённый же программируемый чип, в том числе якобы и для волновой защиты от коронавируса и иже с ним, далее может легко использоваться для управления отдельным человеком из некоего компьютерного центра. И дело сделано.

Хоть и грех смеяться над бедой, но хочется привести небольшую юмореску на предмет возможного будущего:

«Человек на самоизоляции заказывает через Интернет литр молока. Роботизированная система ему отвечает:

— По нашим сведениям вы вчера заказывали два литра молока. Лимит на молоко у вас исчерпан!

Человек заказывает упаковку кефира.

— По нашим сведениям у вас вчера закончились деньги.

— У меня есть некоторые сбережения… — отвечает человек.

— Тогда вы должны заполнить декларацию и уплатить налог. А до этого заказывать продукты вы не имеете права!

— Но…

В ответ высветилось окно “Диалог завершен”».

Как вам такое будущее?

Ведь давно предполагаемый, вернее запрограммированный, Антихрист может быть и цифровым, то есть представлять собой Всеобщий мировой (или отдельной страны) суперкомпьютер! Через чипы управляющий уже не личностями, а биообъектами, или, иначе говоря, биороботами.

И вместо воздаяния славы Богу (в форме, зависящей от вероисповедания человека) будет воздаваться слава — с трёх попыток догадайтесь кому… А не будете! — голод, болезни, смерть…

Вот и получается, что при нашей «добровольной» самоизоляции на нас неуклонно надвигается диктатура. Она просматривается двух видов, на выбор (ведь и «они» признают незыблемый космический закон свободы выбора человека): либо глобально транснациональная, либо национальная двух типов: западный цифровой национал-социалистский концлагерь или восточный цифровой же военный коммунизм, только не временный, как в 1918-м году у нас, а постоянный (перманентный). Какой вариант вам более нравится? Мне ни один…

Потому сейчас самое время задаться вопросом: что может спасти человека? Как видится, только, несмотря ни на что, вера Богу, преодоление разделения между людьми и в той или иной форме объединение их, осознание человеком себя независимой, свободной в выборе, самостоятельно мыслящей и самостоятельно принимающей решения личностью, осознание человеком своей бессмертной сущности. Может спасти только служение делу Добра и Любви и только стремление к Красоте во всём. Тогда мы сможем сказать о себе, что мы народ, а не толпа биообъектов, раздираемых низкими желаниями и инстинктами, напичканных всякими заблуждениями и, плюс к тому же, с чипом, а потому лишённых индивидуального содержания, танцующих под дудку Мирового компьютера и окружённых контролёрами, когда старая формула управления «Властитель — Маг — Охранник» упрощается и превращается в «Компьютер — Чип — Контролёр».

Что может спасти человечество? — В этой ситуации, думается, только грядущая Россия может продемонстрировать миру и противопоставить всем злым умыслам и рукотворным кризисам, в том числе и таким, как нынешняя «пандемия», рождённый скоординированной волей людей иной строй. Духовный, гуманный, основанный на Божественных ценностях русской цивилизации, для всех народов, наций и народностей строй, справедливое социально ориентированное общество равных возможностей. И оно, я верю, грядет!

Поэтому против нас, против России и направлено оружие самого сильного разобщения между людьми…